

И. Н. Гребёнкин

Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса

Разложение армии, под которым понимается деградация и распад ее как государственного института и социального организма в самом широком смысле, не получило общепринятого терминологического оформления как устоявшаяся научная категория и обычно используется в качестве характеристики конкретных исторических ситуаций. Применительно к отечественной историографической традиции разложение армии как специфическое социальное и институциональное явление в наибольшей степени ассоциируется с событиями революции 1917 г., положившими конец старой русской армии.

Разрушение вооруженной силы государства стало одним из печальных итогов Первой мировой войны для России. Соответствующие политические решения новой власти лишь подвели черту под процессом разложения, в результате которого к началу 1918 г. бывшая императорская армия перестала быть армией как таковой. Данный феномен в разные периоды привлекал немалое внимание современников и историков, и по понятным причинам не избежал политизированного и эмоционально окрашенного освещения. В воспоминаниях и исследованиях представителей дореволюционной военной элиты и участников Белого движения разложение армии преподносилось в основном как примета 1917 года и прямое следствие начавшейся революции¹. В работах историков и документальных публикациях советского периода принято было подчеркивать усиление социальной и политической активности солдатских масс в отстаивании своих прав, при этом на второй план отступали развал традиционных устоев армейского порядка — дисциплины и субординации, катастрофическое падение боеспособности войск и связанные с ними различные неприглядные проявления: неподчинение приказам в бою, дезертирство и рост преступности². Заметного прогресса в изучении этой сложной и противоречивой

Гребёнкин
Игорь Николаевич,
доктор
исторических
наук, профессор,
Рязанский
государственный
университет
имени С. А. Есенина
(Рязань, Россия)

коллизии достигла новейшая отечественная историография. Авторы ряда исследований обратились к социальной специфике русской армии накануне и во время войны, особенностям ментальности и динамике настроений военнослужащих, значению гуманитарных, общественных и политических компонентов в развитии конфликта³. Тем не менее, проблему нельзя признать исчерпанной, так как распространенным остается представление о том, что армия была «заражена» вирусом разложения извне и в условиях общественно-политического кризиса выступала пассивным объектом воздействия внешних сил: Временного правительства, демократических организаций, левых партий, вольно или невольно направлявших свои усилия на ее разрушение. Вместе с тем в революционные месяцы армия являлась пространством, в котором соответствующие социальные и политические процессы развивались в достаточной степени обособленно, под воздействием особых условий и сил, пользовавшихся известной самостоятельностью.

Кризис, охвативший армию с началом революции, имел глубокие объективные предпосылки, вызванные логикой общественно-политического развития страны в предшествующие десятилетия. Первая мировая война застала Россию на сложном и противоречивом этапе, когда процессы модернизации, запущенные Великими реформами второй половины XIX в., продолжались, но были еще далеки от завершения. Свойственные российскому обществу начала XX в. сословное деление и социальное неравенство своеобразно отражались на жизни и взаимоотношениях внутри такого особого социального организма, каким являлись вооруженные силы империи. Преимущественно крестьянское население страны обусловило преобладание крестьян, либо связанных с ними групп среди рядового состава армии и флота, который более чем на 90 % комплектовался за счет крестьян (до 60 %), рабочих и ремесленников (более 30 %). Офицерский корпус всегда включал не менее 50 % представителей привилегированных сословий⁴. Столь разительные различия, естественно, разобщали офицерский корпус с солдатской массой, противопоставляя их в плане психологическом, культурном, ценностном. С началом Первой мировой войны и проведением небывалой по масштабам мобилизации армия военного времени многократно возросла численно, но социальный состав нижних чинов изменился мало: в нем лишь несколько возросла крестьянская составляющая⁵. Присущий ей уровень культуры и образованности теперь определял качество российской вооруженной силы. Это обстоятельство еще в предвоенные годы отмечали прозорливые современники. В 1910 г. князь В. С. Кочубей на страницах своей книги, посвященной проблемам национальной обороны, обратил внимание на то, что способности и ментальность русского солдата, преимущественно недавнего крестьянина, непосредственно связаны с его происхождением и прежним социальным опытом. «Он был крестьянином и таковым остается; к чему рисковать ему жизнью? Когда он попадает в плен, его служба сама собою прекращается, его обязанности также»⁶. Этот же автор указывал на ненадежность в условиях большой войны массы российского населения, которая выразится

в равнодушии к исходу вооруженной борьбы России с врагом, ибо большинство народа остается разобщенным в социальном, правовом и культурном отношении; исторически отчуждено от проблем и решений в области внешней политики⁷.

С началом войны эти тревожные ожидания воплотились в реальность. Выходцы из среды крестьянства, на 80 % составлявшие массу гражданского населения и нижних чинов армии и флота, слабо усваивали сущность экономических и геополитических интересов государства. Разъяснительная работа, которую вели среди солдат командиры и священники, зачастую не достигала цели. А. И. Деникин склонен был объяснять неготовность офицеров к такой работе с нижними чинами существовавшей в старой армии установкой на недопустимость обсуждения любых политических вопросов в воинской среде⁸. Современные же исследователи указывают на то, что крестьянское сознание солдат было невосприимчиво к аргументации их более образованных начальников⁹. В любом случае офицер в глазах подчиненного являлся основным представителем государства — в сущности, чуждой и враждебной для солдата-крестьянина и солдата-рабочего силы. По мере же неблагоприятного развития военных событий, роста усталости и антивоенных настроений в солдатской массе офицер представлялся ей главным лицом, заинтересованным в продолжении войны. Фактором, усугублявшим неприязнь солдат к своим командирам, следует считать и низкие профессиональные и моральные качества последних. Слишком распространенные примеры некомпетентности, трусости и лени среди офицеров были очевидны для их подчиненных и дорого обходились в боевой обстановке. Погибший в декабре 1915 г. младший унтер-офицер Штукатуров, чей фронтовой дневник является интереснейшим с военно-антропологической точки зрения источником, записал в нем: «Из виденного и пережитого мной за последнее время приходится сделать заключение, что главное горе наше происходит от того, что мало хороших, преданных делу офицеров»¹⁰. Такое скрытое противостояние нижних чинов офицерам таило опасность грядущего раскола в армии, и превращения ее в поле социального конфликта.

Деградация армейского организма в 1917 г. не приняла бы обвального характера, если бы не имела в своей основе наряду с общественно-политической подоплекой серьезные прецеденты — постепенное падение дисциплины и боеспособности частей и целых соединений, которые наблюдались в течение всех военных лет в нарастающих масштабах. Ответственность за них в дореволюционный период в конечном итоге ложилась на представителей командного состава. К проявлениям разложения, негативно сказывавшимся на моральных качествах армии, относились так называемые братания. Первые братания русских с австро-венгерскими войсками отмечались еще летом 1915 г. С началом позиционной войны осенью 1915 г. братания наблюдались во многих пехотных частях. На некоторых участках фронта начальство оказалось уже не в состоянии пресечь этот процесс, сопровождавшийся распространением мирных настроений¹¹.

Не представляли собой исключения уголовные преступления военнослужащих в отношении мирного населения. Наступательные операции неизменно показывали, что части уже небезупречные в моральном и дисциплинарном плане, не отличаются устойчивостью и к мародерству. Грабежи и насилия, происходившие в том числе и на российской территории, нельзя считать лишь делом рук темной крестьянско-солдатской стихии. В тех случаях, когда население покинуло свои жилища, не только солдаты, но и офицеры не чувствовали себя стесненными в отношении частных домов и имущества¹².

Позиционный характер войны сам по себе являлся фактором разложения войск, так как в этих условиях энергия даже наиболее активной части военнослужащих не находила выхода нужном направлении. В связи с этим интерес представляет кампания по формированию осенью 1915 г. войсковых партизанских отрядов. В силу отсутствия целенаправленного руководства со стороны высшего командования они не нашли масштабного применения и в течение зимы 1915–1916 гг. находились в тылах своих фронтов. Вспоминая этот период, А. А. Брусилов писал: «С самого начала в тылу фронта возникли крупные недоразумения с этими партизанами. Выходили бесконечные недоразумения с нашими русскими жителями. Причем, признавая только лично главнокомандующего, партизаны эти производили массу буйств, грабежей и имели очень малую склонность вторгаться в область неприятельского расположения»¹³. С весны 1916 г. сохранялись только казачьи отряды, пользовавшиеся покровительством походного атамана казачьих войск великого князя Бориса Владимировича, но и они «болтались в тылу наших войск и, за неимением дела, производили беспорядки и наносили обиды ничем неповинным жителям, русским подданным»¹⁴. Примечательно, что в качестве партизанских командиров проявили себя впоследствии известные белые военачальники Гражданской войны Б. В. Анненков, В. М. Чернецов, А. Г. Шкуро.

Февральская революция послужила тем рубежом, за которым распад российской армии принял необратимый характер. В разгар революционных событий вооруженные силы оказались непосредственно вовлечены в бурные социально-политические процессы. Собственно успех февральско-мартовского переворота оказался возможен благодаря активной роли важнейших военных институтов (Ставки Верховного главнокомандующего) и крупных воинских контингентов (гарнизона Петрограда). Развернувшееся вслед за этим в России в самых острых и непримиримых формах противоборство политических сил, среди центральных вопросов которого стоял вопрос продолжения войны, уже не могло обойти стороной армию. Одним из важнейших актов, определивших направления политической борьбы в армии, следует считать Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Положениями приказа провозглашались гражданские права для солдат, были объявлены выборы комитетов в воинских частях и их представителей в Советах. Приказ предписывал частям исполнять распоряжения Военной комиссии Государственной думы только если они не противоречат постановлениям Совета. Таким образом, Совет устанавливал политический

контроль над войсковыми формированиями и деятельностью командования. Изданный 1 марта Приказ № 1 предназначался гарнизону Петрограда, но, получив широкое распространение с помощью печати и телеграфа, был с энтузиазмом воспринят солдатской массой и начал вводиться в жизнь явочным порядком. Повсеместно солдаты отказывались отдавать честь, становиться во фронт, титуловать офицеров в соответствии с прежними уставными требованиями. Начались выборы комитетов, а нередко солдаты самовольно смещали командиров и избирали новых.

По широко распространенному убеждению представителей командования всех уровней, Приказ №1 положил начало развалу дисциплины в армии и противостояния солдатской массы офицерам. Типичным является мнение А. С. Лукомского, утверждавшего, что приказ «в корне подрывал дисциплину, лишая офицерский командный состав какой-либо власти над солдатами»¹⁵. Тем не менее, в самом содержании приказа не удастся найти указаний к подрыву дисциплины; в противоположность тому, Приказ № 1 призывал к строжайшему ее соблюдению при исполнении служебных обязанностей. Ущерб авторитету офицеров можно было усмотреть лишь в том, что контроль за оружием в частях возлагался на комитеты. Именно появление комитетов — формы общественного и политического контроля в армии, нарушавшей полновластие офицерского корпуса, вызвало неприятие и возмущение командования. Эту логику демонстрирует полковник А. И. Верховский, негодуя на страницах дневника: «Как бомба с ядовитыми газами упал к нам приказ номер первый. Будь проклят человек, придумавший эту гадость... Ведь теперь чернь получила язык, которым она может говорить»¹⁶. Кроме того, мыслящими в традиционном духе представителями командования не воспринималась сама мысль о том, что нижние чины на каком-то уровне могут быть допущены к управлению и принятию решений наравне с офицерами. Генерал А. Е. Снесарев, получив известие о выборах комитетов, 7 марта отмечает в дневнике: «В Москве выдуманы какие-то в[оенные] комиссии, где появляются рядом представитель от офицерства и солдат. Кто эту глупость мог выдумать? Какое может быть панибратство между офицером и солдатом? Последний начнет после “судить” и приказы, и боевые решения»¹⁷.

Изданные в последующие дни Приказ № 2 и воззвание Исполкома Петроградского Совета, разъяснявшие ограниченный характер Приказа № 1 и призывавшие солдат и офицеров к сотрудничеству и взаимопониманию, не могли остановить и отменить развернувшиеся в армейской среде процессы демократизации. А. И. Деникин, который, конечно, никоим образом не разделял целей и позиций Советов, признавал впоследствии, что успех Приказа № 1 определялся тем, что его положения соответствовали как представлениям демократических кругов о переустройстве армии, так и ожиданиям перемен в солдатской массе¹⁸. По этой причине неверно было бы полагать весь командный состав армии единодушным и принципиальным противником мер демократизации. Состоящие из представителей солдат и авторитетных офицеров комитеты часто способствовали снижению конфликтности, что

признавали и крупные войсковые начальники. В начале мая 1917 г. командир Гренадерского корпуса генерал Д. П. Парский, докладывая командующему 2-й армией А. А. Веселовскому о настроениях в частях корпуса, отмечал: «Комитеты ротные, полковые и дивизионные работают и, нужно отдать справедливость, не бесплодно; они значительно содействуют объединению офицеров и солдат, предотвращают и улаживают разные инциденты, но все же пока оказать большую помощь не могут, так как сами еще не пользуются достаточным для сего авторитетом в массе и не всегда представляют ее собой по существу»¹⁹.

Таким образом, собственно политический переворот и первые шаги демократизации армии не являлись первопричиной связываемого обычно с ними развала дисциплины. С началом революции обострились и приняли более очевидные формы все социальные конфликты, в том числе и те, которые в армии выражались в разобщенности солдатской массы и офицерства. Солдатский протест ранее, как правило, стихийный, с возникновением комитетов приобретал черты организованного политического протеста и уже не мог быть погашен чисто дисциплинарными мерами командования. Но даже при этом, нововведения не во всех случаях давали немедленный и однозначно негативный результат. Как таковые участвовавшие нарушения воинской дисциплины солдатами, выражавшиеся в неподчинении приказам, оскорбительном поведении по отношению к офицерам, по-прежнему носили стихийный характер и были провоцируемы общей обстановкой, а также настроением и климатом конкретных частей и гарнизонов.

Появление войсковых комитетов оказалось не единственным примером внедрения в армейскую действительность демократических представительных органов. Уже в первые дни революции наиболее энергичная часть генералитета и офицерства предпринимала шаги к самоорганизации, которая в силу провозглашаемых лозунгов и задач получала политическую направленность. Одной из инициатив этого рода следует считать образование в Петрограде в начале марта 1917 г. Совета офицерских депутатов (далее — СОД), политически ориентированного на Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов. В дальнейшем СОД возникли и организационно оформились не только в столице, но и в ряде крупных городов, а также на фронте. Образование и деятельность СОД в Петрограде и на местах происходили без санкций и участия высшего командования действующей армии, что вызвало растущее раздражение с его стороны. Особенно враждебное отношение генералитета было вызвано сотрудничеством СОД с Советами рабочих и солдатских депутатов, участием в подготовке «Декларации прав солдата и гражданина» и работе комиссии генерала А. А. Поливанова по реформированию армии. На этом фоне среди офицеров Ставки также высказывалось мнение о необходимости «своей» офицерской организации, которая действовала бы под контролем командования. Таковой стал образованный в мае 1917 г. при Ставке Союз офицеров армии и флота, провозгласивший среди своих целей всемерное содействие восстановлению дисциплины и боеспособности войск для доведения войны до победоносного

завершения. Создание Союза отражало и наметившееся недовольство высших военных кругов политикой правительства в отношении армии. Если первоначально основной формой активности Союза являлась пропагандистская работа, то в июле–августе 1917 г. его руководители обратились к конспиративным контактам с другими военными организациями и командованием, приняв участие в подготовке выступления генерала Л. Г. Корнилова²⁰.

Участие представителей офицерства в создании и деятельности многочисленных военно-общественных организаций, заявлявших своей целью поддержание в армии и обществе воинского духа и традиций, стало распространенным явлением в политической жизни страны весной–летом 1917 г. Наконец, характерным для этого периода следует считать возникновение в военной среде организаций и кружков, носивших чисто конспиративный характер и создававшихся явно с прицелом их использования при установлении военной диктатуры. Одна из первых подобных организаций была основана на Юго-Западном фронте генералом А. М. Крымовым. Другой пример такой работы относится к весне 1917 г., когда в Петрограде генерал-майором бароном П. Н. Врангелем и полковником графом А. П. Паленом была создана тайная военная организация со своим штабом, разведкой, хорошо поставленной связью, опиравшаяся на молодых офицеров армейских и гвардейских частей столичного гарнизона. Конспиративные связи с военными усиленно налаживал созданный представителями правых партий и деловых кругов «Республиканский центр». Его руководители К. В. Николаевский и П. Н. Финисов видели целью своей организации установление в России власти военного диктатора, которым должен был стать один из влиятельных военачальников.

События весны 1917 г. выявили не только конфликт солдатской массы и офицеров, но и активизировали раскол внутри офицерства. Важным обстоятельством, определявшим его характер, стал развернувшийся в первые революционные месяцы сложный и противоречивый процесс пересмотра командного состава, который осуществлялся различными средствами, под влиянием различных и даже противоположных сил и тенденций. К его первым шагам относятся происходившие во многих гарнизонах страны в начале марта выборы командиров частей, которые не были предусмотрены никакими установлениями и целиком являлись инициативой личного состава. В первую очередь они коснулись гарнизона Петрограда, где солдаты принимали непосредственное участие в восстании и считали необходимым избавиться от прежних командиров, чем-либо запятнавших себя по отношению к революции. Офицеры гвардейских полков не могли приветствовать такой почин солдат, но не отказывались признать результаты выборов, а избранные на командные посты приступали к исполнению обязанностей²¹.

Волна смещений лиц командного состава прокатилась по тыловым гарнизонам и достигла действующей армии, причем отстранения не всегда сопровождалась выборами. Солдаты фронтовых частей обычно обращались к начальству с просьбой отстранить одних

и назначить других офицеров на основании решений собраний и съездов своих частей. И хотя в действующей армии подобные случаи были относительно немногочисленными²², они тем более привлекали к себе внимание. На Западном фронте, расположенном к тому же на небольшом удалении от основных революционных центров, в марте 1917 г. по инициативе личного состава было отстранено от должностей 22 офицера²³. Наиболее распространенными причинами их удаления со своих постов являлись подозрения в приверженности старому режиму, понимаемой солдатами весьма широко. Однако помимо желания смягчить дисциплинарный режим и защитить полученные права, солдаты избавлялись от офицеров, замеченных в злоупотреблениях и явно пренебрегавших исполнением своих обязанностей. Такие удаления выглядели упреком всему офицерству, допускавшему служение в своих рядах лиц неспособных и не порядочных. Со своей стороны солдаты и солдатские организации демонстрировали свою заинтересованность в отстаивании дисциплины и порядка в противовес начальству. Высшее командование, полагавшее назначение и отстранение лиц начальствующего состава исключительно своей прерогативой, не могло смириться с подобным вмешательством в этот процесс. Тем не менее, совершенно прекратить практику отвода офицеров по инициативе личного состава частей уже не удалось, и в последующие месяцы она продолжалась, приобретая особый размах в периоды политических кризисов или оживления боевой активности на фронтах.

Все же стихийная чистка, отражавшая противостояние солдатской массы офицерству, стала причиной лишь части кадровых перемещений комсостава после революции. Уже в марте последовал официальный пересмотр высшего эшелона командного состава, принятый новой властью с целью избавиться от негодного элемента среди генералитета как по профессиональным, так и политическим мотивам. По указанию военного министра А. И. Гучкова списки лиц, подлежащих удалению из армии, готовились в Ставке, кроме того, любой начальник по-прежнему мог быть отстранен по инициативе высшего командования. Все это вносило в процесс отбора заметный оттенок субъективизма и произвола. Увольнения, совершавшиеся по инициативе высшего армейского начальства, часто были вызваны именно политическими обстоятельствами — поведением представителей командования в условиях демократизации. При этом отставки или смещения генералов не подчинялись единой политике, а их причиной могла стать любая ориентация командира и отношение к ней высшего начальства. За период с марта по начало августа 1917 г. от должности были отчислены 140 генералов, среди них 16 генералов были сняты по несоответствию занимаемой должности (74 — «за болезнью», 33 — «по обстоятельствам настоящего времени», то есть из-за нежелания продолжать службу в условиях проведения Временным правительством демократизации армии)²⁴. Такая кампания перемещений лиц командного состава не могла привести к серьезным качественным улучшениям, так как общий фон его оставался прежним. В отношении мероприятий по демократизации армии правительству не удалось

добиться абсолютной лояльности даже среди высшего командования. По мнению А. И. Деникина, к маю 1917 г. из 40 первых лиц действующей армии (Верховный главнокомандующий и главнокомандующие фронтами, командующие армиями и флотами и их начальники штабов) 26 поощряли демократизацию или не боролись с ней (А. И. Деникин именовал их «оппортунистами»), а 14 были известны как ее активные противники²⁵. В целом же «гучковская» чистка и последующая ротация командных кадров лишь усилила неуверенность офицерства в своем положении, так как любая его активность могла вызвать неудовольствие командования или конфликт с подчиненными.

Важнейшим обстоятельством, определившим состояние армии после февраля, стали прогрессирующие антивоенные устремления солдатских масс. Революционные настроения солдат в значительной мере определялись убеждением в том, что следствием политического переворота непременно станет прекращение войны — одного из порождений прежнего несправедливого общественного устройства. Решить проблему оздоровления обстановки в армии командование рассчитывало при политическом содействии правительства. Исполнявший обязанности Верховного главнокомандующего М. В. Алексеев изложил свои взгляды в докладе на имя военного министра А. И. Гучкова от 15 марта 1917 г. Среди черт разложения армии М. В. Алексеев особо указал на состояние офицерства: «Упадок духа, замечаемый в офицерском составе вследствие того недоверия и той травли, которая против него ведется, не обещает победы, особенно принимая во внимание, что исключительно на офицерском составе всякой, особенно же нашей, армии зиждется ее сила». В качестве первоочередной задачи Временного правительства М. В. Алексеев провозглашал: «Восстановить порядок в армии и особенно ее тыловом пространстве; поставить предел бесконечному потоку воззваний, прокламаций рабочей партии, памятуя, что все это расшатывает прочность армии и обращает ее в малонадежное оружие в руках государства»²⁶. Смысловой ряд доклада позволял заключить, что ответственность за состояние вооруженной силы государства возлагалась на правительство, при неясной роли командного состава, переживавшего «упадок духа». Совершенно определенно Алексеев обозначил политические силы, виновные в разложении армии — Совет рабочих депутатов и «рабочая партия», влиянию которых командование намерено было противостоять.

В течение 1917 г. российская армия на фронте и в тылу действительно являлась объектом пропагандистских усилий различных политических сил. В докладах военного командования правительству усиленно акцентировалось внимание на деятельности делегатов политических партий и организаций, ведущих антивоенную агитацию в армии и тем подрывающих ее боеспособность. В телеграмме 27 марта Алексеев обращался к Гучкову: «Для ограждения армии от противоправительственных влияний и влияний против лозунга продолжения войны до полной победы желательно принятие каких-либо по сему поводу мер со стороны военного министерства относительно допуска в войска посещающих их делегатов, не уполномоченных

правительством...»²⁷ Это, однако, не означало отсутствия политической агитации противоположного толка, которая осуществлялась при поощрении командования. Для ее проведения были мобилизованы значительные силы и средства правительства, политических партий и общественных организаций, усиленно пропагандировавших правительственную линию на продолжение войны²⁸. Особенно усилилась такая деятельность в преддверии планировавшегося на июнь 1917 г. наступления на участке Юго-Западного фронта. В мае в частях и соединениях фронта побывал военный министр А. Ф. Керенский и неоднократно выступал на митингах перед солдатами. Сам Керенский хотел верить в успех своих речей, но и его посещали сомнения в их эффекте. «Я видел, как оживляются недовольные, неуверенные, растерянные солдаты, измученные душой и телом. Казалось, перед серой толпой разгорается новая жизнь, вселяя в нее почти опьяняющий энтузиазм... Конечно, подобные настроения длились недолго, но какие-то результаты всегда приносили»²⁹. А. А. Брусилов, куда лучше чувствовавший солдатские настроения, замечал: «Солдатская масса встречала его восторженно, обещала все что угодно, и нигде не исполнила своего обещания. Шкурничество и отсутствие дисциплины взяло вверх, что и было вполне понятно»³⁰.

Социальное поведение солдат в тот период объяснялось, конечно, не «шкурничеством» как сознательным и злонамеренным выбором. В силу традиционной ментальности, преобладавшей в солдатской среде, ее носители слабо воспринимали политическую пропаганду любого рода, но по крупницам извлекали из нее то, что было понятно и отвечало их представлениям и интересам. Солдаты горячо откликались на революционную и патриотическую риторику, и эта сиюминутная реакция в меньшей степени гипнотизировала постороннего наблюдателя. Однако непонимание и неприятие войны солдатской массой быстро пересиливало любой пафос и любой эмоциональный подъем. Начавшееся 16 июня наступление войск Юго-Западного фронта обернулось катастрофой под Тарнополем в первую очередь из-за отказа войск сражаться.

Прогрессировавшие процессы разложения и катастрофическое падение боеспособности армии приводили представителей командования и сторонников поднятия дисциплины и порядка к закономерной идее формирования особых частей, построенных на принципах добровольчества. Авторы подобных проектов полагали, что такие части, вобрав в себя весь наиболее боеспособный элемент, выступают примером для солдатских масс и смогут увлечь их за собой, что приобретало особую актуальность в связи с готовящимся летним наступлением на фронте. С другой стороны, идея добровольческих формирований являлась эмоциональным ответом представителей командования на рост антивоенных настроений солдатских масс.

Формирование ударных частей и частей «смерти» приобрело летом 1917 г. заметный размах и превратилось из военно-организационного явления в масштабную политически окрашенную кампанию, охватившую не только действующую армию, но и тыл, повлиявшую

на развитие гражданского противостояния в стране. Фронтовые ударные части имели возможность участвовать в боях июньского наступления и показали себя боееспособными единицами, но в принципе не оправдали возлагавшихся на них надежд. Один из организаторов добровольческой кампании подполковник В. К. Манакин докладывал военному министру: «Особой пользы в смысле психологического воздействия на соседние части ударные батальоны не оказали, вызывая наоборот озлобление к себе со стороны частей, отказывающихся от несения службы или отступающих в беспорядке»³¹. Обострение политической борьбы быстро изменяло взгляды высшего командования и политического руководства на цели и перспективы добровольческих формирований. Если на первых порах они рассматривались для боевого применения на фронте и одновременно как средство воспитательного воздействия на остальные войска, то в результате летнего наступления, а, главное, июльских событий в Петрограде, этот взгляд принципиально менялся. Теперь, когда разложение старой армии стало фактом, военная верхушка видела в ударниках единственную вооруженную опору власти в случае внутреннего противостояния.

Весьма схожим по форме, но куда более рискованным по сути проявлением кризиса стала кампания по организации в русской армии национальных частей. Самым масштабным ее компонентом являлась украинизация частей и соединений, происходившая на всех фронтах, флотах и в тылу с санкции Временного правительства и при известной поддержке высшего командования, которое рассчитывало получить в лице национальных частей более устойчивые к разложению контингенты. В условиях развивавшегося социально-политического конфликта национальные формирования уже не могли послужить укреплению фронта, но открывали новые источники конфронтации в армии.

Гибель старой российской армии в 1917 г. не была случайным событием. Слишком серьезные предпосылки к ней были заложены социальными процессами и самим характером российской модернизации в предвоенные десятилетия. Не случайно военные и государственные деятели весьма опасались массовой мобилизации, а затем, уже в ходе войны, — демобилизации армии. С началом революции разложение вооруженной силы страны во всех его проявлениях было тесно связано и обусловлено кризисом российской государственности. К его развитию приложили руку самые разные общественные силы, преследовавшие различные, порой противоположные цели: органы революционной демократии и левые партии, боровшиеся за влияние в армии; командование, стремившееся оградить ее от чуждого вмешательства, но при этом постепенно втягивавшееся в политическую борьбу; правительство, противоречивый курс которого лишь способствовал углублению конфликта; наконец, многомиллионная солдатская масса, связывавшая свои ожидания со скорым заключением мирного договора. Сложная комбинация их устремлений и противоборств вела армию к неизбежному коллапсу. С какого-то момента (вероятно, июньского наступления) был пройден порог, за которым бессмысленным становилось любое «закручивание гаек».

Разрушение традиционных основ военного бытия сменилось разрушением организационного единства армии, которая необратимо превращалась в пространство гражданской войны.

---

¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М.; Жуковский, 2001; Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991.

² Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. Муратов Х. И. Революционное движение в русской армии в 1917. М., 1958; Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. М., 1966; Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. М., 1968. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982; Революционное движение в военных округах, март 1917 г. – март 1918 г. М., 1988.

³ Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999; Базанов С. Н. 1) Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003; 2) Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 282–290. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004; Асташов А. Б. 1) Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014; 2) Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012.

⁴ См.: Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903. М., 1973; Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX века: Очерки военного потенциала. М., 1986; Гаркавенко Д. А. Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981. С. 30–45.

⁵ В призывах 1914–1917 гг. доля крестьян превышала 66 % (См.: Гаркавенко Д. А. Социальный состав вооруженных сил России в эпоху империализма. С. 38.)

⁶ Кочубей В. П. Вооруженная Россия, ее боевые основы. Париж, 1910. С. 31.

⁷ Там же. С. 283–284.

⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 98.

⁹ См.: Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. С. 178.

¹⁰ Дневник Штукатурова // Военно исторический сборник. Труды комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914–1918 гг. Вып. 1. М., 1919. С. 165.

¹¹ См.: Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. С. 175–176.

¹² См., например: Оськин Д. Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998. С. 245; Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. М., 2007. С. 33–35; Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Т. 1. Минск, 2003. С. 113; Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2003. № 8. С. 33; 2004. № 4. С. 38.

¹³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 157.

¹⁴ Там же. С. 158.

¹⁵ Из воспоминаний генерала Лукомского // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. II. С. 30.

¹⁶ Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 34.

¹⁷ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Там же. 2004. № 11. С. 52.

¹⁸ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 138.

¹⁹ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. С. 85.

²⁰ См.: Кожевин В. Л. Деятельность Союза офицеров армии и флота (май – август 1917 г.) // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 139–142.

²¹ См.: Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 90; Гребёнкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. Рязань, 2010. С. 179–180.

²² Из 330 командиров корпусов и начальников дивизий в течение весны по инициативе личного состава было смещено 2 командира корпуса и 9 начальников дивизий. (Жебровский С. С. Высший командный состав русской армии весной 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 2. С. 197–199).

²³ См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 366. Оп.2. Д. 2. Л. 27–28.

²⁴ Кавтарадзе А. Г. Примечания // Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 505.

²⁵ См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 261.

²⁶ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 г. С. 36–37.

²⁷ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 372. Оп.1. Д. 24. Л. 235.

²⁸ См.: Сенин А. С. Корниловская альтернатива // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 213.

²⁹ Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 184.

³⁰ Брусилов А. А. Мои воспоминания. С. 208–209.

³¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 366. Оп. 2. Д. 29. Л. 64.

УДК 94(100)“1914/17”

Гребёнкин И. Н. Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 145–159.

АННОТАЦИЯ: Настоящая статья представляет анализ такого сложного и противоречивого социально-политического и институционального явления, каким являлось разложение российской армии, происходившее в последний год мировой войны на фоне революционных событий 1917 – начала 1918 г. Традиционно в историографии данный процесс рассматривается как прямое и однозначное следствие революционного переворота 1917 г. и мер, принимавшихся новыми российскими властями по демократизации всех сторон жизни страны, а также антивоенной пропаганды, которую вели в армии представители различных политических течений и партий. Между тем предпосылки разложения были обусловлены некоторыми социальными чертами императорской армии, а признаки разложения наблюдались и прогрессировали в течение всего военного периода. События революции лишь ускорили распад старой армии и сделали его необратимым. Однако процесс разложения армии в 1917 г. не исчерпывается падением дисциплины и боеспособности, развивавшихся только под воздействием демократических нововведений и пропаганды левых сил. В статье показано, как армия стала ареной столкновения пропагандистских усилий различных политических направлений, что вело к усилению противостояния в военной среде. Значительная доля ответственности за распад армии ложилась на высшее командование, которое, стремясь сохранить свой контроль над войсками, поощряло создание легальных и тайных офицерских организаций и союзов, формирование добровольческих и национальных частей и соединений. Итогом разложения армии стало не только прекращение ее существования как вооруженной силы государства, но и выделение из ее состава контингентов внутренней — гражданской войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, Русская революция, демократизация армии, добровольческая кампания, национальные формирования, антидемократическая оппозиция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (Рязань, Россия); grin17.66@mail.ru

Grebenkin I. N. Decay of Russian Army in 1917: Factors and Actors

ABSTRACT: The article presents our analysis of such a complex and contradictory socio-political and institutional phenomenon as Russian army decay, which took place during the last year of World War I and was accompanied by revolutionary events in 1917 — beginning of 1918. Traditional historiography considers this process to be a direct natural consequence of 1917 revolt, measures taken by the new Russian authorities to make all aspects of life in the country democratic, as well as anti-war propaganda conducted by representatives of various political trends and parties in the army. However, some prerequisites for the decay were caused by a number of social peculiarities of the Imperial army while features of the decay could be seen in progress during the whole war period. The events of the revolution only facilitated disintegration of the old army and made it irreversible. Moreover, the army decay in 1917 was not limited to downfall in discipline and fighting efficiency as a result of democratic innovations and 'left' propaganda. The article shows how the army became an arena for a clash of various political trends' propagandist efforts, which lead to aggravated confrontation in the army. The commanders are sufficiently responsible for the army decay, for they tried to maintain control over the military forces by facilitating creation of legal and secret officer organizations and unions, as well as formation of volunteer and national divisions and regiments. The result of the army decay was not only its destruction as a state military force, but also creation of forces inside it which lead to internal, Civil war.

KEYWORDS: World War I, Russian revolution, army democratization, volunteer campaign, national divisions, antidemocratic opposition.

AUTHOR: Doctor of History, Professor, Ryazan S. A. Esenin State University (Ryazan, Russia); grin17.66@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Golovin N. N. *Voennye usiliia Rossii v mirovoi voine* (Moscow, 2001).
- ² Denikin A. I. *Ocherki russkoi smuty. Krushenie vlasti i armii*. February – September 1917 (Moscow, 1991).
- ³ *Razlozhenie armii v 1917 godu* (Moscow - Leningrad, 1925).
- ⁴ Muratov Kh. I. *Revoliucionnoe dvizhenie v russkoi armii v 1917* (Moscow, 1958).
- ⁵ *Revoliucionnoe dvizhenie v armii i na flote v gody Pervoi mirovoi voiny*. 1914 – February 1917 (Moscow, 1966).
- ⁶ *Revoliucionnoe dvizhenie v russkoi armii*. 27 February – 24 October 1917 (Moscow, 1968).
- ⁷ *Voiskovye komitety deistvuiushchei armii*. March 1917 – Mart 1918 (Moscow, 1982).
- ⁸ *Revoliucionnoe dvizhenie v voennykh okrugakh*, March 1917 – March 1918 (Moscow, 1988).
- ⁹ Seniavskaia E. S. *Psikhologiya voiny v XX veke: Istoricheskii opyt Rossii* (Moscow, 1999).
- ¹⁰ Bazanov S. N. *Borba za vlast v deistvuiushchei rossiiskoi armii* (October 1917 – February 1918) (Moscow, 2003).
- ¹¹ Bazanov S. N. 'Razlozhenie russkoi armii v 1917 godu (K voprosu ob evoliucii ponimaniia legitimnosti Vremennogo pravitelstva v soznanii soldat)' in *Voенно-istoricheskaia antropologiya. Ezhegodnik*, 2002 (Moscow, 2002).
- ¹² Porshneva O. S. *Krestiane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny* (Moscow, 2004).
- ¹³ Astashov A. B. *Russkii front v 1914 – nachale 1917 goda: voennyi opyt i sovremennost* (Moscow, 2014).
- ¹⁴ Astashov A. B. *Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoi mirovoi voiny* (Moscow, 2012).
- ¹⁵ Zaionchkovskii P. A. *Samoderzhavie i russkaia armia na rubezhe XIX–XX stoletii, 1881–1903* (Moscow, 1973).
- ¹⁶ Beskrovnyi L. G. *Armia i flot Rossii v nachale XX veka: Ocherki voennogo potentsiala* (Moscow, 1986).
- ¹⁷ Garkavenko D. A. 'Sotsialnyi sostav voooruzhennykh sil Rossii v epokhu imperializma' in *Revoliucionnoe dvizhenie v russkoi armii v 1917 godu* (Moscow, 1981).
- ¹⁸ Kochubei V. P. *Vooruzhennaia Rossiia, ee boevye osnovy* (Paris, 1910).
- ¹⁹ 'Dnevnik Shtukaturova' in *Voенно istoricheskii sbornik. Trudy komissii po issledovaniiu i ispolzovaniiu opyta voiny 1914–1918*, Iss. 1 (Moscow, 1919).

²⁰ Oskin D. 'Zapiski praporshchika' in *Otkrovennye rasskazy* (Moscow, 1998).

²¹ Popov K. *Vospominaniia kavkazskogo grenadera. 1914–1920* (Moscow, 2007).

²² Lemke M. K. *250 dnei v tcarskoi stavke* (Minsk, 2003).

²³ 'Frontovye dnevniki generala A. E. Snesareva' in *Voenna-istoricheskii zhurnal*, 2003, no. 8; 2004, no. 4.

²⁴ Brusilov A. A. *Moi vospominaniia* (Moscow, 2001).

²⁵ 'Iz vospominanii generala Lukomskogo' in *Arkhiv russkoi revoliutcii*, Vol. II (Berlin, 1921).

²⁶ Verkhovskii A. I. 'Rossiia na Golgofe (Iz pokhodnogo dnevnika 1914–1918 gg.)' in *Voenna-istoricheskii zhurnal*, 1993, no. 4.

²⁷ 'Frontovye dnevniki generala A. E. Snesareva' in *Voenna-istoricheskii zhurnal*, 2004, no. 11.

²⁸ Kozhevnikov V. L. 'Deiatel'nost' Soiuzu ofitserov armii i flota (May – August 1917)' in *Voprosy istorii*, 2005, no. 9.

²⁹ Sobolev G. L. *Petrogradskii garnizon v borbe za pobedu Oktiabria* (Leningrad, 1985).

³⁰ Grebenkin I. N. *Russkii ofitser v gody mirovoi voiny i revoliutcii. 1914–1918* (Ryazan, 2010).

³¹ Zhebrovskii S. S. 'Vysshii komandnyi sostav russkoi armii vesnoi 1917 goda' in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Ser. 2, 2007, Iss. 2.

³² Senin A. S. 'Kornilovskaia alternativa' in *Istoriki otvechali na voprosy*, Iss. 2 (Moscow, 1990).

³³ Kerenskii A. F. *Russkaia revoliutcia. 1917* (Moscow, 2005).